

Это было просто наглостью.

Тун Цянь быстро посчитал в уме.

Пять процентов — это пять процентов от суммы займа в месяц, то есть...

— 30 юаней.

Чжоу Миньянь сразу же назвал ответ.

Заняв 300 юаней, через два месяца нужно было вернуть 30 юаней процентов. Это же настоящий ростовщический процент!

У Лю Чуньхуа действительно чёрное сердце.

Лицо Тун Цяня стало мрачным.

Он стиснул зубы, злобно глядя на Лю Чуньхуа. Если она когда-нибудь попадётся ему, он...

Лю Чуньхуа, увидев замешательство Ван Пинпин, почувствовала удовлетворение, совершенно не думая о последствиях своих действий.

Она игнорировала слова других, пристально глядя на женщину, которой завидовала так долго:

— Пять процентов, 30 юаней — это не так много. Твой Вэйлун теперь зарабатывает большие деньги. Я не прошу, чтобы вы помогали родственникам, просто верните деньги.

Тун Цянь не выдержал и саркастически усмехнулся:

— Тётя Чуньхуа, зачем ты всё время упоминаешь моего отца? Берегись, как бы язык не отвалился.

Он чуть ли не прямо сказал, что Лю Чуньхуа бесстыдница, которая думает о Тун Вэйлуэ.

Для девятилетнего ребёнка такие слова были уже слишком.

Прежде чем остальные успели нахмуриться, Ван Пинпин очнулась и отчитала его:

— Малыш, не лезь в дела взрослых.

Тун Цянь, привыкший к своенравию перед матерью, был недоволен, но Чжоу Миньянь крепко схватил его за руку, и он замолчал.

Ван Пинпин сделала несколько шагов вперёд, почти вплотную подойдя к Лю Чуньхуа.

Та, почувствовав неуверенность, отступила на два шага, но затем подумала, что требовать проценты — это нормально, и перестала отходить.

Ван Пинпин сжала кулаки, а затем разжала их.

Она глубоко вздохнула:

— Хорошо... 30 юаней, да?

Видя, что мать собирается отдать эти незаслуженные «проценты», Тун Цянь забеспокоился.

Хотя они заработали немного денег, продавая антиквариат, если отдать их, в доме не останется еды!

Лю Чуньхуа пользовалась мягкостью матери, чтобы вымогать деньги, но Тун Цянь не был таким сговорчивым.

Он потянул мать за рукав, чтобы остановить её, но встретил её взгляд, полный вины и беспокойства.

Он проглотил слова, которые собирался сказать.

Ладно, он знал, какая у неё натура. Она всегда старалась избегать конфликтов, даже если это означало уступить.

В конце концов, она была женщиной, которая растила двух детей в деревне, и любая провокация могла привести к беде.

Во всём виноват Тун Вэйлун!

Тун Цянь не мог винить мать, которая делала всё для его благополучия, поэтому всю злость он направил на своего отца-подлеца.

Женщины, пришедшие с Лю Чуньхуа, переглянулись, но не стали вмешиваться — это было их личное дело.

Ван Пинпин закусила губу, вошла в комнату и вскоре вернулась с несколькими купюрами в руке.

Лю Чуньхуа широко раскрыла глаза.

Откуда у неё столько денег?

Увидев протянутые деньги, она тут же забыла о своих мыслях и потянулась за ними.

Но прежде чем она успела взять их, сбоку появилась ещё одна рука, которая оттолкнула деньги обратно к Ван Пинпин:

— Эти деньги мы не возьмём.

Раздался грубый мужской голос.

— Брат Вэйминь.

Ван Пинпин удивлённо посмотрела на него.

Молчаливый и честный мужчина повторил:

— Возьми деньги обратно.

Увидев, как её муж отталкивает деньги, которые уже были почти в её руках, Лю Чуньхуа, копившая злость два месяца, наконец взорвалась:

— Что это значит? Что это значит?

Она закричала пронзительным голосом:

— Ты такой щедрый, а я всё это время управляла домом и деньгами ради кого?

Говоря это, она начала рыдать.

Тун Вэйминь рано утром ушёл рубить дрова и, вернувшись домой, узнал от сына, что жена пошла к Ван Пинпин за долгом. Он сразу же бросил коромысло и поспешил туда.

Он всегда был немногословен и терпел вспыльчивую Лю Чуньхуа.

На этот раз, когда она устроила сцену перед всеми, он только повторял:

— Эти деньги мы не возьмём.

Лю Чуньхуа просто села на пол, хлопая руками по земле, и отказалась вставать.

Бабушка Ли, как старшая, вмешалась:

— Ну хватит. Вэйминь, заberi свою жену домой. Утром такое устраивать — это неприлично.

Получив указание, Тун Вэйминь привычно поднял свою жену, весящую больше 80 килограммов, и вывел её за дверь.

Оказавшись снаружи, без зрителей, Лю Чуньхуа тут же перестала рыдать и чуть не сбила Тун Вэйминя с ног:

— Ты совсем с ума сошёл, да? У других уже машины есть, а я тебя не упрекаю, а ты даже денег не можешь забрать...

Её крики доносились издалека.

Женщины в комнате переглянулись, вздыхая.

Тун Цянь почувствовал жалость к брату Вэйминю.

Что он сделал в прошлой жизни, чтобы жениться на Лю Чуньхуа?

Когда он сам будет искать жену, точно не выберет такую!

Покачав головой, Тун Цянь подбежал к бабушке Ли:

— Бабушка, чай ещё горячий?

Увидев его чистое и милое лицо, бабушка Ли невольно улыбнулась:

— Чай ещё горячий, малыш. Не забудь прийти к бабушке в Новый год, я дам тебе конфет.

— Конечно!

Тун Цянь ответил бодро.

Благодаря ему все сделали вид, что забыли о произошедшем, и начали хвалить малыша за его поведение.

Поговорив ещё немного, гости стали собираться:

— Сегодня канун Нового года, дел много, пора идти.

— Да, да, мне ещё дом убирать.

— А я даже не начала.

...

Наконец, проводив всех, Тун Цянь плюхнулся на стул и глубоко вздохнул.

Ван Пинпин посмотрела на него и похвалила:

— Малыш, ты молодец, помогал маме встречать гостей.

Тун Цянь с самого начала бегал туда-сюда, помогая.

Он взглянул на мать с тревогой на лице и проглотил слова, которые хотел сказать.

Сегодня канун Нового года, и менять характер матери было ещё рано:

— Давай уберёмся.

До вчерашнего дня Ван Пинпин переживала из-за 300 юаней, поэтому к Новому году ничего не подготовила:

— Чжоу Минъянь, Чжоу Минъянь!

Он позвал, не найдя его.

Чжоу Минъянь вышел из их комнаты с тряпкой в руке. Оказывается, он уже начал уборку:

— Что?

— Сначала позавтракаем, потом продолжим.

Ван Пинпин была очень трудолюбивой, и в доме всё было аккуратно, но убрать весь двор было не так-то просто.

Взрослый и трое детей усердно трудились.

Тун Цянь отошёл на два шага и указал:

— Вот там, в верхнем углу, ещё грязь.

Чжоу Минъянь вытер портрет Мао Цзэдуна, висящий в гостиной:

— Готово.

Тун Цянь уже собирался сказать Чжоу Минъяню слезть со стола, как сзади кто-то позвал его:

— Малыш Цянь, ты убираешься?

Тун Цянь бросил тряпку и подбежал к двери, широко улыбаясь:

— Дядя, ты как здесь оказался!

Тун Вэйго нёс в каждой руке по большому пакету:

— Принёс вам новогодние украшения.

В то время ещё не было привычки покупать напечатанные новогодние надписи, все писали их от руки.

Его отец хорошо владел кистью, и каждый год многие приходили к нему за надписями.

Ван Пинпин вытерла руки:

— Ой, спасибо, я совсем забыла сходить за ними.

Тун Цянь вспомнил, что каждый год новогодние надписи для их дома писал отец Тун Вэйго.

Передав украшения, Тун Вэйго ушёл.

Как будто кто-то нажал на кнопку, в дом стали приходить односельчане, и никто не приходил с пустыми руками.

Ван Пинпин, глядя на стол, заваленный солёным мясом, маринованными овощами, капустой... почувствовала, как глаза наполнились слезами.

В деревне всё ещё было много добрых людей, которые знали, что в этом году её семья особенно нуждалась, и принесли достаточно, чтобы она с детьми могла встретить Новый год.

Затем они занялись украшением дома и приготовлением новогоднего ужина, и к тому времени, когда всё было готово, снаружи уже раздавались хлопки петард.

Ван Пинпин удивилась:

— Кто это так рано закончил ужинать?

Тун Цянь подбежал:

— Мама, хватит убираться, давай быстрее поедим, а потом сами запустим петарды.

<http://bllate.org/book/16382/1482485>